

ДА!

В. Бочаров,
историк
**ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ВЛАСТЬ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ**

«Умом Россию не понять...» – это изречение поэта является несменяемым эпитафием к политической жизни России в ее историческом обозрении. Причем вряд ли подобную мысль можно отнести лишь только к форме художественного отображения российской действительности. Выдающиеся отечественные умы также отмечали присущую ей иррациональность; «в русской политической жизни... скрыто темное иррациональное начало, и оно опрокидывает все теории политического рационализма...» – писал Н. Бердяев. Действительно, является непреложным фактом, что политические катаклизмы в России всегда неожиданны и малопонятны для Запада. Не были исключением и события последних лет. К примеру, «перестройка» и последовавший за ней развал СССР стали сюрпризом даже для ведущих западных ученых, специалистов по России, что они сами со всей откровенностью констатировали.

Однако иррациональность политической жизни в России выражается не только в неспособности западных теорий «политического рационализма» отразить содержание ее процессов, но и в неосознанности поведения субъектов этих процессов. Это означает, что цели и результаты их деятельности в большинстве своем не только не совпадали, но чаще всего противостояли друг другу. Именно это, по всей видимости, имел в виду и Н. Бердяев, когда утверждал, что «деятели революции сознательно могут исповедо-

вать самые рационалистические теории и во имя их делать революцию, но революция всегда бывает симптомом нарастания иррациональных сил». Это постоянно порождает представления о коварстве русских революционеров, которые-де всегда злонамеренно обманывают свой народ, преследуя исключительно корыстные цели. В этом обвиняли большевиков, подобные же обвинения раздаются сейчас в адрес последней плеяды революционеров. Но знакомство с судьбами исторических персонажей прошлого, как, впрочем, и собственные наблюдения за людьми, внесшими решающий вклад в политические события последних лет нашей страны, решительно опровергают подобное мнение.

Основная гипотеза состоит в том, что деятельность субъектов политического процесса в России всегда подчинена не только и не столько официально декларируемым целям, сколько глубинным мотивациям, обусловленным, прежде всего, их традиционной политической культурой (ТПК). Эти мотивации коренятся в эмоционально-иррациональной сфере психики представителей российской культуры. Однако на рассудочно-рациональном уровне подобные мотивации выступают в виде идеологем, отражающих реалии иной (западной) политической культуры (ПК).

Многие из нас, принимавших активное участие в «перестройке», имели возможность ощутить конфликт психологического и логического моментов на собственном опыте, находясь, по образному выражению петербургского писателя В. Конецкого, под воздействием «политической бормотухи», т.е. когда идеалы, за которые мы сражались на каком-то этапе, куда-то отошли на периферию сознания, на первом же плане был процесс собственно борьбы. Это относится к ощущениям, так сказать, «сознательных» участников «перестройки». Что же касается основной массы населения СССР, также принимавшей активное в ней участие, то здесь этот конфликт был особенно очевидным. Большинство этих людей имели весьма смутные представления о содержании идеалов «перестройки», таких как «независимость», «демократия», «правовое государство» и др. Не могу в этой связи не вспомнить случай, отмеченный в нашей прессе еще в начале «перестроечного» процесса. Сообщалось, что в одной из средних школ учительница, «борясь за торжество демократии», ударила в присутствии своих учеников директора школы классным журналом по голове. Тем не менее эти люди проявили недюжинный темперамент в борьбе «за право жить в цивилизованной стране». Действительно, непонятные людям

культурные ценности вряд ли сами по себе смогли бы привести их в столь сильное возбуждение, какое тогда имело место. Представляется, что и здесь, за революционным подъемом народных масс, стояла «какая-то давно назревшая затаенная мечта», обусловленная «исконным русским духом».

О русской ТПК мы имеем весьма слабые представления. Нам более знакома «западная часть» ПК России, которая выражена, как правило, в виде письменных политико-правовых установлений. Эта «часть» всегда служит эталоном для российских правителей. Имея официальный статус, она, как показывает история, никогда не оказывает существенного влияния на реальное политическое поведение россиян. ТПК же реализуется в политическом поведении людей большей частью бессознательно. В основе такого поведения лежат традиционные стереотипы, возникшие где-то в глубине веков и отражающие внутреннюю логику общественно-политической динамики данного социума. Последняя, имея достаточно устойчивый характер, воспроизводит эти поведенческие модели из поколения в поколение. ТПК в изрядной мере противостоит официальной ПК в России. Поэтому поведение ее граждан, которое всегда фактически строится на принципах ТПК, оценивается официальной ПК как низкокультурное или вовсе преступное.

Представляется, что источниками для реконструкции ТПК русских, наряду с этнографическими исследованиями, нацеленными на изучение народной культуры, могут служить фольклор, произведения литературы и искусства, так или иначе отражающие политическое поведение людей, а также слухи, анекдоты и личные наблюдения за носителями русской культуры. Сердцевиной любой ПК являются властные отношения. Для понимания характера этих отношений в русской ТПК необходимо рассмотреть их структуру в минимальной социальной ячейке (условно семье), осуществляющей биологическое воспроизводство общественного индивида. Этот интерес вызван тем, что именно здесь процесс господства и подчинения представлен в своем естестве, обусловленном в том числе биологической природой человека. Он является основой любого традиционного общества, ориентированного на простое воспроизводство общественных отношений, хотя в известной мере сохраняется в обществе любой стадии-эволюции. Российское же общество вплоть до середины 20-х годов XX столетия по существу оставалось традиционным, в котором общинно-семейный уклад составлял основу жизнедеятельности большинства населения стра-

ны. В то же время и советский строй, по справедливому мнению ряда исследователей, во многом воспроизводил общинный социально-экономический уклад, но уже в масштабе всего государства. Главные субъекты властно-управленческих отношений в этой социально-биологической ячейке (семье) – это родители (старшие) и дети (младшие). Регуляция этих отношений осуществляется за счет самоорганизации (т.е. естественной организации) психики их агентов таким образом, что ни верхи, ни низы не испытывают психологического дискомфорта в процессе властвования/подчинения. Главной эмоцией, организующей указанный процесс, является любовь.

Материалы по русской ТПК свидетельствуют о том, что любовь является главной ее составляющей и во властных отношениях. При этом власть всегда персонифицирована и эмоции любви (или ненависти), уважения (или презрения) адресуются управляемым к конкретному ее носителю. В то же время и сама власть склонна ориентироваться в своей деятельности прежде всего на любовь (или уважение) своих подданных. По сути дела, даже вопрос, столь распространенный в нашей культуре: «Ты меня уважаешь?», всегда звучит как средство выяснения (или установления) иерархии в неформальной ситуации. Для носителей русской культуры любовь к Родине (Отечеству) является необходимым атрибутом. Сама же Родина неразрывно ассоциируется с носителем верховной власти в государстве. «Они, забыв страх божий... восстали на меня, законного своего государя, а следовательно, и на все отечество» (Петр Великий). В годы войны советские люди шли в бой, как известно, «За Родину, за Сталина». Сквозь призму наших культурных стереотипов мы склонны оценивать и легитимность власти в других ПК. Коллега, вернувшаяся недавно из научной командировки с острова «Свободы», удивляется: «Кубинцы любят Фиделя!»

Любовь в русской культуре – понятие многогранное. Одной из примечательных ее черт является амбивалентность, т.е. тесная связь с насилием, а иногда и уподобление ему. Иными словами, будучи в русской ТПК иерархическим переживанием, любовь допускает и даже считает обязательным применение насилия к подвластным. «Кого люблю, того и бью», – гласит пословица. Содержание, вкладываемое русской культурой в понятие «любовь», имеет прямое отношение к характеру властных отношений, свойственных ей. Они вполне допускают использование насилия как метода управления подданными. В то же время боязнь власти

является важным компонентом психологии данных отношений. О неразрывности этих эмоций в русской культуре хорошо написал К.Н. Леонтьев: «Начало... есть страх, а любовь – только плод. Нельзя считать плод корнем, а корень плодом... Правда, плод или часть плода (семя) зарывается в землю так, что оно становится невидимым и перерождается в корень и другие части растения».

В традиционной русской семье, лидерство в которой определялось, прежде всего, возрастом, стариков не столько уважали, сколько боялись. Действительно, разделить эти две эмоции в нашей культуре очень сложно. Вспомним, хотя бы расхожую в нашем общезнании фразу: «Бойтся, значит, уважает!» Уподобление любви и страха часто фиксируется в вербальном поведении представителей старшего поколения. Определяя характер властных отношений, свойственный их времени, они говорят: либо «Сталина любили», либо «Сталина боялись». Причем оба варианта предполагают легитимность существовавшего режима. Очевидно, что утрата управляемыми любви к власти в данной ПК автоматически означает и утрату страха по отношению к ней, что неизбежно ведет к деградации властных отношений, а следовательно, к дезинтеграционным процессам в обществе. Похоже, ностальгия нашего народа по «сильной руке» – есть не что иное, как ощущаемая потребность в воссоздании присущего нашей ТПК эмоционального климата, обеспечивающего субъектам властных отношений ощущения психологического комфорта. Эмоционально-иррациональная структура властных отношений формируется в русской культуре на государственном уровне определенными общественными механизмами. Прежде всего, моделированием системы власти по образу и подобию семьи для формирования соответствующего психологического климата между управляющими и управляемыми.

Эмоциональные переживания в психологии властных отношений, связанные с «заботой» о подданных, также формируются в нашей ПК посредством определенных общественных механизмов. В частности, власть всегда стремится предстать перед подчиненными в качестве осязаемого источника всяческих жизненных благ для них или даже – основного условия самой их жизни. Для этого она сосредоточивает в своих руках общественно-распределительную функцию. Выступая таким образом в виде благодетеля, власть, с одной стороны, вызывает у получателей этих благ устойчивую положительную эмоцию к себе, сравнимую по сути с естественным чувством любви ребенка к старшему (родителю), а с дру-

гой – одновременно формирует у них ощущение полной от нее зависимости.

В советский период распределительная функция верховной государственной власти наиболее очевидна. Всеобъемлющая «забота партии и правительства» заключалась в «бесплатном» обеспечении населения разными социальными благами. Эти блага, производимые самими же подданными, изымались государством в виде налогов (или вовсе удерживались), а затем распределялись, но уже в форме «отеческой заботы». Последняя также ставила членов общества в полную зависимость от власти, поскольку получение тех или иных благ жестко увязывалось с демонстрацией управляемыми полной ей лояльности.

Эти эмоциональные переживания в нашей ПК, характеризующие поведение власти, играют, по-видимому, роль контролирующего механизма. Контроль за властью – обязательный элемент обратной связи, без которой, как доказала кибернетика, процесс управления вообще невозможен. Иными словами, здесь этот механизм выражен в виде психологического саморегулятора, в отличие от западноевропейских ПК, где он осуществляется специальными институтами, создаваемыми по принципу разделения властей. Функциональность этого механизма (т.е. «любви-заботы») в качестве психологического самоконтроля в деятельности власти очень наглядна при сравнении поведения властей в советское время и сегодня. Очевидно, что прежняя власть, не имевшая по сути дела никакого внешнего контроля за своей деятельностью, вела себя намного ответственнее по части выполнения обязательств перед подданными, нежели ее современные представители.

Это еще раз свидетельствует о том, что моделирование в России политической системы по западному образцу и подобию приводит к появлению «неработающих» институтов, хотя в их политико-культурной традиции они эффективно осуществляют контроль за деятельностью власти. Отсюда разгул коррупции, а также ориентация населения на избрание «честных и порядочных людей», т.е. людей, которые бы «заботились» о подданных, а «не только о своем собственном благополучии». Неадекватность нашей ТПК и западных ПК выражается также в борьбе за монополию власти между различными ее ветвями, созданными на принципах последних. Драматические моменты этой борьбы нам всем недавно довелось пережить.

Если мы посмотрим на ТПК русских с точки зрения роли, которую играет в ней табу, т.е. другой важнейший организатор психологии властных отношений в смоделированной нами социально-биологической ячейке, то ее без преувеличения можно определить как «культуру запрета». Всевозможные запреты всегда окружали повседневную жизнь русского человека. Причем эти запреты по сути дела всегда иррациональны, т.е. не имеют отчетливых логических мотиваций. Именно последнее и роднит их с культурной нормой табу, которая была наиважнейшим регулятором поведения представителей традиционных обществ и соблюдение которых также не имело мотиваций, а осуществлялось на основании «потому что так принято» или «потому что это закон наших предков». По утверждению психолога, именно немотивированный запрет вызывает в психологии человека наиболее интенсивные эмоциональные переживания, с присущей им амбивалентностью. Примечательно, что представители Западной Европы, посещавшие Русское государство во все времена, отчетливо фиксировали запрет как особенность его культуры. Один из них писал об екатерининской России: «...все вещи там столь секретные, что весьма трудно узнать правду о том, что не видел собственными глазами». Не был исключением и советский период в истории России, когда множество самых разнообразных запретов окружали члена общества и они носили преимущественно иррациональный характер, т.е. не имели сколько-нибудь отчетливых рационально-логических мотиваций. Интересно, что если в старой России эти запреты воспринимались населением естественно и только иностранцы отмечали этот факт как культурную особенность, то в советское время на это обратила внимание собственная интеллигенция, которая, будучи по существу воспитанной на ценностях западной ПК, воспринимала иррациональность этих запретов как очередной «абсурд» коммунистического правления. Приведем в качестве примера рассуждения на эту тему известного ученого и активного деятеля «перестройки» академика Г. Арбатова. Он искренне не мог понять, почему военные секреты СССР не являлись таковыми для потенциального противника, а только для собственных граждан. В статье «Спасибо мистеру Чейни за то, что он открыл советским парламентариям нашу военную тайну», опубликованной в газете «Известия» от 26 октября 1990 г., он писал: «Почему же о таких вещах не информируют Верховный Совет СССР, даже комитеты по вопросам обороны и государственной безопасности и по международным делам?»

Потому что военная тайна? Тем более если она досконально известна другой стороне, как раз тем, от которых вроде бы и надо держать в секрете? Мало того, часто ей, именно этой «другой стороне», – сейчас просто не поворачивается язык сказать: противнику – наши военные товарищи официально передают, а от советской общественности и даже Верховного Совета СССР их скрывают». Поведение высших членов коммунистической иерархии регулировалось своими «абсурдными» запретами, на что мне уже доводилось обращать внимание.

Представляется, что скрытый смысл подобной концентрации запрета в русской культуре состоит в стимуляции амбивалентных эмоциональных переживаний, ведущими из которых являются любовь и страх (священный трепет). Таким образом, индивидуальное сознание – носитель данной культуры в процессе своей жизнедеятельности постоянно порождает в своей психике данный комплекс эмоциональных переживаний и вследствие известного психологического закона, упомянутого нами выше, адресует власти. Власть, так же как и глава социально-биологической ячейки (семьи), выступает для подданных, в известном смысле, в качестве табу. Причина та же. Властвующим и подвластным в русской ТПК всегда предписывалось различное поведение. Вследствие этого наши «начальники» всегда «отгорожены» от своих управляемых. Эта «перегородка» возникает вопреки официальным доктринам. Ее разрушение и последующее становление мы со всей очевидностью можем наблюдать в настоящее время, когда наша ТПК продемонстрировала свой приоритет над инородными политико-культурными ценностями. Поэтому носителем русской культуры очень естественно воспринимается тезис: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку».

Иррациональность отечественной ПК в полную силу проявилась и в ходе последних президентских выборов, когда конкуренты вдруг обнаруживали полное сходство своих политических программ. Внешний фактор может объединять политиков на Западе. У нас же определяющим является любовь, будь то любовь к лидеру партии или любовь к самому себе. Последняя мешает сотрудничеству с иным лидером, если он не желает ее разделить. «У нас любят дело или ненавидят его, смотря не по делу, а по человеку, который его делает: меня не любят, а потому и делом моим пренебрегают». По наблюдениям социологов, девять из десяти избирателей на

вопрос: «Почему Вы проголосовали за ту или иную партию?», – отвечали, что им нравится лидер этой партии.

Подведем итоги. Русскую ТПК следует определить как культуру эмоционально-иррационального типа. Психология властных отношений в ней во многом моделирует эмоциональный климат, характерный для минимальной социальной ячейки, в которой происходит биологическое воспроизводство общественного индивида. Здесь регуляторы подобных отношений формируются и реализуются в поведении их субъектов преимущественно бессознательно. Разрушение этого климата ведет к деградации властных отношений и, как следствие, к «смуте». «Смуты» возникают тогда, когда власть не выполняет функций, предписанных ей ТПК. Исторический анализ «смут» свидетельствует о том, что:

– Во-первых, им всегда сопутствовал голод. Иными словами, налицо невыполнение властью функции «кормильца». Вспомним, что и в эпоху «перестройки» одним из главных обвинений в адрес прежней власти было то, что она не сумела «накормить народ».

– Во-вторых, несправедливость в распределении материальных благ. Во время последней «смуты» это был, конечно, вопрос о так называемых привилегиях власти, сохранившихся в соответствии с законами нашей культуры в прежнем виде и в условиях демократического режима.

– В-третьих, неспособность власти обеспечить социальный рост своих «детушек». Проект закона о молодежи был один из первых «перестроечных» инициатив, которая так и не была реализована. Он предполагал, как известно, принятие юридических гарантий продвижения молодых в социально-политической иерархии советского общества. В результате перзрелые молодые кадры из всех профессиональных сфер, включая и саму КПСС, активно ринулись в «перестройку», справедливо названной революцией сорокалетних. К тому же «гласность» подорвала систему запретов, разрушив тем самым психологическую основу потестарных отношений.

Наблюдения за современной политической жизнью России подтверждают высокую устойчивость русской ТПК, которая, несмотря на радикальную смену официальной ПК, продолжает определять поведение как субъектов, так и объектов власти.

«Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии», СПб., 2007, с. 203–218.